

Курдский вопрос в геополитике Запада и Востока на Ближнем и Среднем Востоке

Сваранц Александр,
доктор политических наук (Россия, Москва)

Kurdish issue in the geopolitics of East and West in the Middle East Svarants A.

Kurdish question is a component of a larger Middle East issue and represents interests of nearly 40 million people living in the four key countries in the Middle East. The Kurdish problem is a very complex and multiple-valued issue. The destiny of Turkey largely depends on the developments and processes associated with the Kurds. Kurdish problem can also have a certain influence on the fate of South Caucasus, as the transformation of geopolitical structure of the Middle East through the prism of Kurdish question will contribute to certain changes in the South Caucasus.

Political ambitions of Kurds now extend to the South Caucasus and in the future the Kurdish question in the broader Middle East can be major prerequisite for a strong external interference.

The Kurdish question in the Caucasus becomes important in the policy of Armenia and Azerbaijan in the future and, perhaps, Georgia. Undoubtedly, the Kurdish problem in the politics of the South Caucasian states will be affected in the format of the Karabakh conflict, as well as in the Turkish-Kurdish and some Kurdish-Iranian relations.

Курдский вопрос выступает составной частью Большого Ближневосточного вопроса и выражает интересы почти 40-миллионного народа, проживающего в четырех ключевых странах Ближнего и Среднего Востока (Иране, Ираке, Турции и Сирии), а также в республиках Южного Кавказа, России, государствах ЕС, США и т.д.

На различных этапах своей политической истории Курдский вопрос, начиная с Берлинского конгресса 1878 г. и по настоящее время, выступал объектом повышенного внимания ведущих держав Запада и России, оказывал определенное воздействие на геополитические процессы региона, выступал причиной эскалации напряженности и создавал предпосылки роста национально-освободительного движения курдского народа.

Наиболее остро курдская проблема со второй половины XX в. была выражена в Турции и Ираке, становление курдских политических организаций на Ближнем и Среднем Востоке обеспечивало рост национального самосознания курдов и эффективное руководство национальным движением. Вместе с тем, политические границы ареала проживания курдов в пределах Ирана, Ирака, Сирии и Турции, особенности политической системы в этих странах, а также наличие межплеменных противоречий внутри

курдского общества предопределили разобщенность курдского политического движения, конкуренцию, нередко переходящую в откровенную партийную вражду между ведущими структурами. Например, между Рабочей партией Курдистана (РПК) А. Оджалана и Демократической партией Иракского Курдистана (ДПИК) М. Барзани, между ДПИК и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) Дж. Талабани.

Партийно-политическое противостояние между ведущими курдскими силами включало не только конкуренцию амбиций лидеров, но и гораздо широкое поле политических разногласий относительно форм и методов борьбы, определения стратегических союзников и партнеров, целей и задач программных требований.

Все это, безусловно, негативно сказывалось на само курдское движение, вносило разлад в действия главных политических сил курдского общества, возможно, являлось неким отражением геополитической конкуренции ведущих держав Запада и Востока в различные периоды XX в., что позволяло в определенном смысле манипулировать курдской проблемой в интересах сильных мира сего, обеспечивать управляемость процесса безотносительно подлинных интересов самого курдского народа.

Достаточно привести пример 1920-х гг., когда Британия, исходя из своих прагматичных интересов по эксплуатации нефтяных ресурсов Киркука и Мосула, инициировала курдское повстанческое движение против Турции во главе с шейхом Саидом с целью вынудить Анкару к территориальным уступкам в пользу Ирака. Известно, что в 1920 г. шейх Махмуд Барзанджи в Сулеймании провозгласил себя королем Курдистана, и в 1921 г. Британия фактически признала это государственное образование. В личном архиве одного из создателей нефтяной компании «Ирак Петролеум К^о» армянского нефтепромышленника Галуста Гульбенкяна сохранились письма и другие документы, свидетельствующие об интересе британского правительства к данному региону и возможности создания курдского государственного образования с районом Киркук. Британское давление на Турцию в 1920-х гг., как известно, привело к подписанию 5 июня 1926 г. Конвенции между Турцией, Англией и Ираком о передаче нефтеносных районов Киркука и Мосула единому иракскому государству. [1] Этим тогда все и ограничилось в политике Лондона применительно к разрешению Курдского вопроса.

Образование в 1978 г. РПК в Турции, левая идеология турецких курдов, социалистическая ориентация Абдуллы Оджалана и организация повстанческого движения пешмарга на турецком направлении многие эксперты на Западе квалифицировали как активизацию ближневосточной геополитики СССР против США. И опять же глобальное противостояние СССР и США, ОВД и НАТО являлось форматом возможной политизации курдской проблемы. Поскольку Турция член НАТО, соответственно, движение РПК ассоциировалось с политикой СССР и деятельностью его спецслужб (КГБ и ГРУ).

Что же касается ситуации в Ираке, то режим Саддама Хусейна нанес серьезный удар курдскому национальному самосознанию, политика репрессий и откровенного геноцида (например, применение химического оружия в Халабджи против мирных граждан, в результате чего погибли тысячи курдов) вынуждала курдских лидеров искать покровительство на Западе.

Успех исламской революции в Иране и локализация местного этносепаратизма через интегрирующий фактор ислама, амбициозность Саддама Хусейна в Ираке и развал главного геополитического конкурента ОВД и СССР позволили США и НАТО начать реализацию нового стратегического проекта на Ближнем Востоке, связанного с вхождением в Ирак и установлением контроля над нефтяными ресурсами этой арабской страны.

В 2002 г. Институт Дж. Бейкера в Хьюстоне, являющийся «мозговым» центром американского нефтяного бизнеса, провел исследования, где запасы нефти в Ираке оценивались не в 18,5 млрд. т (общепринятые данные), а в объеме 30,5 млрд. т, а теперь в 216 млрд. баррелей. При этом, около трети данных запасов находятся в районе курдонаселенного Киркука. [2] Эти запасы нефти составляют предмет глобальной энергетической безопасности и стратегических интересов США и Великобритании. В США и Европе появляются сторонники образования курдского государства на Ближнем Востоке для защиты интересов Западной цивилизации и противостояния угрозам с Востока.

Если в 1991 г. США, осуществив операцию «Буря в пустыне», всего лишь ограничились генеральной репетицией по вхождению в Ирак и оценке реакции внешнего мира (прежде всего, распадающегося СССР), то в 2003 г. Вашингтон входил в тот же Ирак всерьез и надолго уже без оглядки на Россию. Курдская проблема становится одним из эффективных рычагов американского присутствия в регионе.

Сам процесс начала военной операции в Ираке в 2003 г. сопровождался определенными трансформациями в американской ближневосточной политике. США, как известно, испытали некий шок при отказе Турции разрешить 4-й дивизии армии США пройти к иракской границе по турецкой территории. Спустя два года тогдашний посол США в Турции Эрик С. Эдельман получил продвижение по службе и был назначен на должность заместителя министра обороны по политическим вопросам, то есть стал главным советником шефа Пентагона по делам Ближнего Востока. Эдельман заменил на этом посту Дугласа Файта, а с июля 2003 г. по июнь 2005 г. являлся послом США в Турции, а еще ранее, с февраля 2001 г. по июнь 2003 г., был помощником вице-президента США Роберта Чейни и занимался приоритетными вопросами национальной безопасности. [3]

Назначение Эрика Эдельмана в Министерство обороны вызвало тогда удивление многих наблюдателей за пределами США, но вовсе не у информированных американских и иностранных экспертов. Дело в том, что с деятельностью посла Эдельмана в Турции связывается откровенный провал американской политики по 4-й дивизии и решение ВНСТ. В связи с этим, возникает вопрос, а был ли вообще провал в политике США в отношении Турции в 2003 г. Парламент Турции тогда проводил всего одно голосование по вопросу «о пропуске 4-й дивизии армии США», американцы не очень-то и нас-

таивали на продолжении обсуждения этого вопроса в парламенте.

Иными словами, США не желали вовлекать Турцию в столь многосложный и масштабный геополитический проект, каким представляется Ирак, иракская нефть и Курдский вопрос, поскольку Анкара потребовала бы неприемлемо многое по Ираку и курдам, желала бы стать важным игроком в развитии событий. Например, использование турками туркменского фактора против курдов в Мосуле и Киркуке. А надо ли тем же американцам и англичанам делиться с турками со столь важным пирогом, каким является иракская нефть, курдская тематика и Персидский залив?

Бытует мнение о возможности разработки и в последующем реализации проекта передачи Иракского Курдистана с нефтеносным районом Мосула в состав Турции. Авторами данного проекта могут быть эксперты и политики из Вашингтона и Лондона, поскольку именно США и Великобритания добились значительного успеха в курдских делах (особенно в современном Ираке). К чему же американцам и англичанам может понадобиться подобный проект, есть ли в этом какой-либо замысел (тайный или явный)?

Безусловно, во всех геополитических проекциях имеется замысел и явный и тайный, и обозримый и перспективный. Суть данного проекта может привести со временем к катастрофическим разрушительным последствиям для той же Турции. Иракские курды, скорее всего, возглавят политические и экономические процессы развития курдского народа и национального движения в Турции и во всем Ближнем Востоке, демографическое увеличение курдского населения в Турции может привести к количественным и качественным преобразованиям в турецкой действительности, а в конечном итоге к сокращению суверенитета Анкары на юго-восточные вилайеты Турции.

Иными словами, англосаксы заинтересованы в системном геополитическом сдерживании Турции как на Ближнем Востоке, так, видимо, и в других направлениях (например, на том же Южном Кавказе с учетом Армянского вопроса).

Курдская проблема многозначна и сложна. От развития событий и процессов, связанных с курдами, во многом зависит сама судьба Турции. Курдская проблема также может оказывать определенное влияние и на судьбу Южного Кавказа, поскольку трансформация геополитической конструкции Ближнего и Среднего Востока через призму Курдского вопроса будет способствовать определенным переменам и на Южном Кавказе.

Политические амбиции части курдов ныне распространяются на регион Южного Кавказа, в перспективе Курдский вопрос в Большом Ближнем Востоке может стать главным условием для мощного внешнего вмешательства по аналогии с использованием албанского фактора для развала Югославии и внесения напряженности на Балканах и в Юго-Восточной Европе в целом.

Территория, преимущественно населенная курдами и условно называемая самими курдами «Курдистаном», все более становится интегрирующей с Кавказом (в особенности с Южным Кавказом), что сейчас противоречит интересам США, стран ЕС и России, поскольку на Западе Южный Кавказ рассматривается пока как часть Европы, а в России – как часть Большого Кавказа и зона своих жизненно важных интересов.

Курдский вопрос на Кавказе приобретает важное значение в политике Армении и Азербайджана, в перспективе, возможно, и Грузии. Бесспорно, курдская проблема в политике южнокавказских государств будет оказывать влияние в формате урегулирования карабахского конфликта, а также в рамках турецко-курдских и отчасти ирано-курдских отношений.

Применительно к проблеме Нагорного Карабаха, как известно, в начале 1920-х гг. руководство Азербайджана, с целью создания «санитарного коридора» между Карабахом и Арменией, а также фрагментирования территории исторической армянской нагорно-карабахской области и изменения этнического баланса проявило «заботу» о проживавших на границе Карабаха и Зангезура курдах. В частности, Азербайджан в 1923 г. создает автономный округ «Красный Курдистан», которым Нагорный Карабах был полностью отрезан от Армении и Ирана. Спустя несколько лет, когда в соответствии с программой Наримана Нариманова по отуречиванию населения Азербайджана курды были в своей массе азербайджанизированы, в 1936 г., то есть после упразднения ЗСФСР, автономный округ «Красный Курдистан» был ликвидирован путем разделения на азербайджанские районы: Кельбаджарский, Лачинский, Кубатлинский и Зангеланский. В результате азербайджано-карабахской войны 1991–1994 гг. армянские войска установили контроль над названными районами и обеспечили возвращение исконно карабахских территорий, что позволило установить территориальную связь Нагорного Карабаха с Арменией и расширить зону безопасности вокруг Нагорно-Карабахской Республики.

Азербайджан пытается в настоящее время спекулировать на курдской теме, восстановить курдов против Армении и Нагорного Карабаха и обеспечить возврат под свой контроль потерянных

ных четырех районов. Однако курдам следует помнить, что Азербайджан и в далеких 1920–1930-х гг. не собирался обеспечить решение Курдского вопроса путем предоставления территориальной автономии, а лишь занимался манипулированием курдского фактора против армянского Карабаха. Более того, власти Баку в годы советской власти занимались политикой искусственной ассимиляции курдского населения республики, отказывали им в самом элементарном удовлетворении их национальных прав в плане развития языка, культуры, образования, печати.

Вместе с тем, в советский период закавказские курды и езиды именно в Армении чувствовали себя в более благополучной социально-политической среде. Армения фактически предоставила курдскому (езидскому) населению все возможности для удовлетворения своих культурных прав в области развития языка, традиций, духовности, образования, радио, печати, а также экономического и научного развития. На базе Института Востоковедения Академии наук Армянской ССР было создано отделение курдоведения, что позволило воспитать поколение советских специалистов в области курдской истории, этнографии и политики. Многие курды в Армении получили блестящее образование, стали известными учеными-востоковедами, которые и сейчас составляют элиту научного и политического класса курдского народа. Достаточно привести пример академика Ш. Мгои.

В свою очередь мировая армянская диаспора и ведущие национальные партии (в частности, партия АРФ Дашнакцутюн) на протяжении XX в. оказывали эффективное политическое и организационное содействие становлению курдских общин в странах Европы и США, развитию курдского политического движения и боевого сопротивления на турецком направлении. В этой связи достаточно вспомнить Араратское восстание курдов в 1927–1931 гг. и курдское движение в Турции во главе с РПК в 1980-х гг. Немалую благотворительную помощь курдским общинам в Европе оказывал известный армянский нефтепромышленник и меценат Галуст Гюльбенкян.

Из истории мы помним, как на рубеже XIX–XX вв. часть курдского народа и племенных вождей оказались слепым орудием в руках султана Абдул-Хамида II и младотурок в политике истребления армянского народа в Западной Армении. Так, в середине 1890-х гг. в Малой Азии прокатилась волна армянских погромов, в которых активное участие принимали курдские конные отряды «хамидие», армяно-курдские отношения тогда заметно ухудшились. Только в

1894–1896 гг. погибло свыше 300 тыс. армян. Тогда политическая недалекость части курдов привела к состоянию вражды с армянами. [4]

Что от этого получил курдский народ? Обещанные султаном и младотурками богатства армян и их земли? Конечно, нет. Курды стали очередной мишенью репрессивной и геноцидной политики тюркизма в Турции, и после армян курды являются объектом массовых гонений и истребления в Турции.

Турецкие власти боялись союза между армянами и курдами, поскольку среди них были и сторонники дружбы двух народов. Например, курдский лидер Шамдиран-шейх Садх, который запретил курдам участвовать в избиениях армян 1895–1896 гг., говоря, что, турки «после истребления армян будут резать нас» [5]. Так оно и случилось в последующей истории Турции.

Политическая ставка курдской политической элиты на Азербайджан не принесет ожидаемых результатов, будет способствовать обострению отношений с Арменией и мировой армянской диаспорой. Более того, курдам следует помнить, что Азербайджан является стратегическим союзником Турции и вряд ли намерен решать курдские проблемы.

Азербайджан может также использоваться для политизации курдской проблемы на иранском направлении в сочетании с так называемым вопросом Южного Азербайджана. Иными словами, в рамках активного внешнего воздействия на политику современного Ирана страны Запада (прежде всего, США и Великобритания) и Израиль могут инициировать проблему этнического сепаратизма в иранском обществе, а для этого использовать азербайджанский и курдский факторы. Но и в этом случае курды вряд ли способны удовлетворить свои политические амбиции, поскольку Иран достаточно мощное государство и через исламскую политическую систему может вполне абсорбировать этнические расхождения. Азербайджан и на этом направлении явно не союзник курдов.

Что касается Армении, то курдская тема всегда сохранялась в повестке армянских политических сил. Курдам следует не обострять отношения с Ереваном и мировым армянством, не выдвигать иллюзорных претензий по территориям Западной Армении, не создавать провокаций на карабахском направлении. Наоборот, курдско-армянское партнерство в ближневосточной и кавказской геополитике может иметь успех в случае уважения взаимных интересов. Официальный голос Армении и лоббистские возможности армянской диаспоры в актуальных странах Запада способны оказать политическую

поддержку Курдскому вопросу в повестке международных отношений.

Естественно, курдская тема может актуализироваться и в Грузии в формате отношений с Турцией. Сегодня Турция достаточно активно проявляет себя на грузинском направлении. За последние 15 лет политика Турции в Грузии включает в себя: реализацию транспортно-энергетических проектов; военно-техническое партнерство; транзит грузов и поддержку сепаратистов Горского Кавказа; этнорелигиозное вмешательство в дела Аджарии; трудовую миграцию в армянский Джавахк; элементы политической и экономической поддержки Абхазии. Грузия может в обозримой перспективе столкнуться с турецким диктатом в регионе, что приведет к обострению отношений между Тбилиси и Анкарой. И в этой связи Грузия не может не учитывать курдский фактор в отношениях с Турцией, тем более и в самой Грузии проживает немало курдов.

Большое значение Курдскому вопросу придается в Израиле. Тель-Авив и мировое еврейство фактически иницируют новый геополитический проект «второго пояса» противостояния арабскому миру и Ирану, использование сырьевых (прежде всего, нефтяных и водных) ресурсов возможного курдского образования в том же Ираке. Израиль стремится более эффективно использовать курдский фактор против Ирака, Ирана и Сирии, в связи с чем Тель-Авив оказывает Иракскому Курдистану определенную помощь, в том числе и в сфере разведки.

По сообщениям «New Yorker» и данным армянского эксперта Игоря Мурадяна, израильский «Моссад» принимал деятельное участие в создании курдской разведывательной организации «Парастин», которая играла определенную роль в дестабилизации внутривосточной ситуации в саддамовском Ираке, а также помогала Израилю в получении информации по ядерной программе Ирана. [6]

В июле 2004 г. лидер Патриотического союза Курдистана Джалал Талабани был приглашен в Израиль, где встречался с премьер-министром Ариэлем Шароном. При этом Талабани принимался в Тель-Авиве как курдский политический деятель, а не представитель Ирака. Неслучайно президент Иракского Курдистана Масуд Барзани заявил о необходимости открытия в Киркуке консульства Израиля, что встретило резкий протест со стороны лидера иракских шиитов Муктада ас-Садр. [7] Израилю выгодно появление на северо-западе Ирака независимого курдского государства со значительной территорией, водными ресурсами и нефтесырьевым районом Киркука.

Применительно к Турции по Курдскому вопросу Израиль выступает с позиций турецко-израильского протектората над всеми курдами Ближнего и Среднего Востока, предоставления курдам, как минимум, культурной автономии. Фактически с этих позиций выступают и страны ЕС. Вместе с тем, Тель-Авив прекрасно осознает, что курдская проблема весьма уязвима для целостности современного турецкого государства, именно с Курдского вопроса может начаться необратимый процесс развала Турции. Поэтому увлечения турецкой элиты исламом и откровенный антисемитизм может дорого стоить Турции, если учесть роль израильского государства на Ближнем и Среднем Востоке, а также вес еврейского лобби в США, странах ЕС и России. Иными словами, курдская проблема, как и вопрос геноцида армян, являются потенциальными политическими факторами давления на Турцию.

По курдской проблеме США официально занимают протурецкую позицию и декларировали невозможность создания курдского государства на Ближнем Востоке. Вашингтон фактически отрицал возможность образования широкой курдской территориальной или культурной автономии в той же Турции. США видят Турцию пока что унитарным государством, и, в отличие от стран ЕС, отрицают даже культурную автономию курдов в составе Турции.

В лучшем случае Вашингтон рассматривал урегулирование Курдского вопроса в Турции в контексте разрешения острых социально-экономических проблем курдонаселенных регионов Турции. Так было, по крайней мере, до 2000-х гг. Вместе с тем, США не могут не учитывать того обстоятельства, что Курдский вопрос все более политизируется в западной политике. Именно с курдской проблемой увязывается одна из причин отказа Турции на пути в ЕС. Курдский вопрос становится эффективным средством политики «сдерживания» Турции.

Известно, что накануне вхождения американских войск в Ирак, внешнеполитические ведомства США активным образом прорабатывали вопрос возможного использования курдского фактора для свержения режима Саддама Хусейна, включая силовой формат. Согласно лондонским источникам, в 2002 г. директор ЦРУ Дж. Тенет совершил секретную поездку по курдским районам Северного Ирака, в рамках которой шеф американской разведки обсуждал возможные варианты военной операции коалиционных сил в Ираке и формы участия в этом конфликте курдских политических сил. [8]

В итоге американцы приняли решение не использовать курдов в военной операции, так как курды требовали политических гарантий независимости в случае победного исхода, а это преждевременно обнажило бы планы США и возбудило бы к политике США неодобрительную реакцию со стороны, как минимум, государств Арабского Востока, Турции и Ирана.

После свержения режима С. Хусейна, усилиями США и Великобритании на северо-западе Ирака де-факто создано курдское государство, которое поддерживает еще и Израиль как фактор противодействия арабским странам и Ирану. Курдское образование в Ираке, хотя и продолжает оставаться экономически несостоятельным и необороноспособным, все же сумело сформировать органы власти, создать гражданское общество восточного типа, наладить внешнеполитические отношения. Естественно, Иракский Курдистан остается в большой зависимости от США и Великобритании.

В Соединенных Штатах и Великобритании исследовательские центры играют большую роль в формировании внешней политики своих государств, особенно их значение повышается применительно к тем направлениям дипломатии, где Вашингтон и Лондон не имеют большой политической традиции и практического академизма. Основными разработчиками курдской проблематики в США, помимо внешнеполитических ведомств Госдепартамента и ЦРУ, являются три исследовательских центра: Институт Среднего Востока, Вашингтонский институт ближневосточной политики и Центр стратегических и международных исследований. Основная конкуренция разворачивается между Институтом Среднего Востока (в целом проарабский научный центр) и Вашингтонским институтом ближневосточной политики (произраильский центр, который занимает более серьезные позиции в американской политике).

Эксперты Института Среднего Востока (в частности, Дэвид Мак, Майкл Данн и Роско Саддакс) полагают, что Ирак останется единым государством, курдская проблема все же неудобный довесок для ближневосточной политики США, развал же Ирака вызовет всплеск антиамериканских настроений в арабском мире. [9]

Эксперты Вашингтонского института ближневосточной политики (например, Денис Росс, Патрик Клаусон, Роберт Сэлтоф) считают целесообразным сохранение целостности Ирака, но не исключают возможность его раздела на три части (курдскую, суннитскую и шиитскую), в том числе в связи с реализацией нефтяных проектов. Сторонником раздела Ирака на три

части, как известно, выступает бывший сенатор-демократ, а ныне вице-президент США Джозеф Байден. Именно Байден был одним из авторов раздела Боснии в ноябре 1995 г. и разработчиком Дейтонских соглашений. Балканский сценарий на Ближнем Востоке вполне возможная перспектива американской геополитики. [10]

Королевский институт международных отношений (Лондон) также проводил исследования по курдской проблематике. Ведущий британский эксперт в области курдоведения Гарет Стэнсфелд, который 5 лет проработал по заданию британского правительства в Иракском Курдистане, допускает возможность признания независимости курдского государства на севере Ирака в случае радикализации курдского политического движения. [11]

Очевидно, что США не намерены оставлять «после себя» сильное централизованное иракское государство, которого фактически и нет. Скорее всего, Вашингтон планирует в «послевоенный период», то есть после вывода своих войск из Ирака, реализацию проекта формирования трех адекватных центров власти при формальном сохранении целостности Ирака, то есть курды, сунниты и шииты. В этом и заключается современная политическая перспектива курдов. Курдский фактор будет использоваться США и в прессинге против Турции, возможно, и против Ирана.

Вопрос в том, когда же наступит этот «послевоенный период». Барак Обама в начале своего президентства давал обещание американскому обществу о скором выводе американских войск из Ирака, но скоро завершается первый срок его правления, а войска все не выходят. Более того, ситуация в арабском мире все больше накаляется, США держат пульс восточных революций в Египте, Йемене, Сирии и Ливии. Да и можно ли себе представить ситуацию, что американцы вошли в Ирак лишь только потому, чтобы расправиться с ненавистным Саддамом Хусейном и предложить местному населению свою «демократию». А что делать с иракской нефтью, как быть с территорией Ирака и его стратегическим положением?

Во всех случаях США создадут свою мощную военную базу на территории современного Ирака, которая и будет гарантом американских интересов в этом регионе. Появление военных баз США и Великобритании в Иракском Курдистане – есть одна из главных политических задач курдских политических организаций, что обеспечивает безопасное условие последующего развития курдской государственности в Ираке и сохранение статус-кво.

Война США против Ирана может похоронить наметившиеся перспективы для курдов и подчинить их Багдаду. Курдам в Ираке следует укрепить свою армию, увеличить численность до 25 тыс. человек, приобретать вооружение на внешних рынках (прежде всего, в США, Великобритании, возможно, и России), обучать своих военных, развивать экономические отношения с Сирией и Ираном.

Американо-турецкий диалог по судьбе иракских курдов может включать разные варианты, в том числе признание Иракского Курдистана в обмен на признание независимости Турецкой Республики Северный Кипр. Вашингтон допускает также возможность резкой исламизации Турции, более тесного партнерства Турции с Ираном и арабскими государствами по Курдскому вопросу.

В январе 2006 г. на форуме в Давосе тогдашний министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль заявил, что образование курдского государства в Ираке может подорвать регион. А в феврале 2007 г. тот же Гюль резко подчеркнул, что Турция, в соответствии с Конвенцией от 5 июня 1926 г. между Турцией, Англией и Ираком, передала нефтеносные районы Мосула и Киркука единому иракскому государству, и разделение Ирака даст Турции право пересмотреть указанную Конвенцию. [12]

Современная политическая элита Турции, заявившая о себе как происламская, безусловно, разделится на части, которые предпочтут различные политические пути. Нынешние турецкие лидеры – А. Гюль и Т. Эрдоган – предпочтут умеренные шаги, хотя Т. Эрдоган, безусловно, настроен более радикально. Но этими двумя политиками новая элита не ограничена. Имеются и другие политики, а также ряд националистических политических партий, которые не собираются свертывать попытки довести до логического исполнения «нового» политического курса, то есть приобретения Турцией более важных позиций в мире. Это обуславливает продолжение конфронтации с США, и возникновение новых проблем во внешней политике.

Признание Иракского Курдистана со стороны арабов во многом будет зависеть от настойчивости США и Великобритании, величины территории, на которую претендуют курды (34 или 84 тыс. кв. км), и, конечно, от судьбы нефтяного Киркука. Иран также вряд ли будет серьезно сопротивляться расчленению Ирака на три части, поскольку понимает, что местные шииты и сунниты не смогут договориться, а возникновение нового шиитского образования может представляться как успех иранской революции.

Известный американский эксперт по проблемам ислама Ширин Хантер считает, что предоставление США независимости иракским курдам дело времени. Этот процесс в США уже начался, он должен приобрести опыт в Конгрессе и Госдепартаменте, показать свою политическую состоятельность и способность к консолидации курдской элиты. Активными лоббистами курдских интересов в США выступают многие еврейские организации. В лице курдского образования в Ираке США получают сильный геополитический фактор в регионе. Американцы никогда ничего не забывают, особенно в части своих обязательств в международных отношениях. И если допустить, что США заверяли курдов в политической поддержке их независимости в Ираке, то последующий процесс де-факто курдского образования на севере Ирака и есть ответ США.

Известно, что на протяжении долгих десятилетий между ведущими курдскими политическими партиями (например, ДПИК, ПСК и РПК) существуют многочисленные противоречия, нередко переходящие в откровенную вражду. Это объясняется не только и не столько нормами демократического плюрализма, различиями политических взглядов и подходов к решению национального вопроса, но в большей мере политической разобщенностью курдской элиты в рамках одного и разных государств, серьезными межплеменными разногласиями на предмет лидерства и разделения сфер влияния.

Возможно, такая ситуация является, с одной стороны, объективным следствием разности ареала проживания курдского народа, различием идеологических концепций партийных программ, издержками этногенеза курдского народа и большим влиянием племенных отношений в социально-политической структуре курдского общества, но, с другой стороны, здесь, видимо, сказывается активное внешнее вмешательство, воздействие фактора ведущих держав и сил на развитие курдского движения, политическая конъюнктура использования или блокирования Курдского вопроса в интересах «сильных мира сего».

Проявлением курдской политической консолидации в Ираке можно считать специальную сессию курдского парламента в Эрбиле в мае 2006 г., когда был сформирован единый кабинет министров во главе с Ниджирваном Барзани (один из руководителей ДПИК), пост вице-премьера получил Омар Фаттах из ПСК, создано 27 министерств. Представители ДПИК и ПСК получили по 11 министерских постов, а остальные 5 раздали мелким политическим партиям. На заседании парламента были приглашены

послы США, России, Германии и других государств в Ираке. [13] Этим решением курды показали свою способность к консолидации и сохранению стабильности.

Курдская проблема представляет серьезный интерес для ведущих геополитических игроков. Так, неслучайно президент Иракского Курдистана Масуд Барзани был приглашен в Китай [14], что означает интерес Пекина не только к нефти Киркука, но и к Курдскому вопросу в целом (в том числе по линии политики «сдерживания» амбициозных устремлений Турции). Известно, что Китай всерьез обеспокоен этносепаратистскими тенденциями в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе на севере страны, а также активностью Турции в тюркоязычных странах Центральной Азии.

Что касается России, то после длительного периода геополитических уступок, Москва успешно восстанавливает свои позиции, что оказывает определяющее воздействие на Балканах, в регионе Черного моря, Кавказа и Центральной Азии. Возрождение российской геополитики во многом происходит при умелом продвижении собственных геэкономических интересов через развитие энергетического сектора и выстраивание новых транзитных коммуникаций. На южном направлении российской геополитики соперничество с Турцией, присутствие на Южном Кавказе, партнерство с Ираном и странами Балканского полуострова, так или иначе, актуализируют курдскую проблематику в стратегии и тактике Кремля.

Курдский вопрос никогда не терял своего значения для интересов России в Малой Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. В 1990-е гг. в условиях распада СССР и системного ослабления российского государства произошли определенные отступления и от учета курдской темы в своей ближневосточной политике. Но меняются времена, меняется и политика. Россия, не втягиваясь в военно-политические провокации и конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, потеряв определенные экономические позиции в регионе, все же, остается одним из ведущих геополитических игроков, концентрирует свое внимание на развитии партнерских отношений

со всеми заинтересованными силами, расширению торгово-экономических связей и обеспечении устойчивого мира и безопасности. Курдские политические силы могут встречать в России понимание и готовность к диалогу. Это необходимо и в целях обеспечения баланса в отношениях между курдами и внешним миром.

Список использованной литературы

1. Гасратян М.А., Лазарев М.С., Васильева Е.И., Мгои Ш.Х., Жигалина О.И. История Курдистана: Монография. М., 1999. С. 270–271; Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. 385 с.; Мурадян И. Региональная политика США и Великобритании: Турция – Иран – Южный Кавказ – Черное море. Ереван: Антарес, 2008. С. 172.
2. Мурадян И. Региональная политика США и Великобритании: Турция – Иран – Южный Кавказ – Черное море. С. 172.
3. Там же. С. 12.
4. Агаян Ц.П. Андраник и его эпоха: Монография. М.: Международный гуманитарный фонд арменоведения им. Ц.П. Агаяна, 1997. С. 63; Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе: Монография. М., 2000. С. 434.
5. Там же.
6. Мурадян И. Региональная политика США и Великобритании: Турция – Иран – Южный Кавказ – Черное море. С. 173.
7. Там же.
8. См.: Зайцев Б. Ирак – США: за один шаг до развязки // Материалы ИТАР – ТАСС «Атлас». Ч. 2–3. 2002. 9 июля.
9. Мурадян И. Региональная политика США и Великобритании: Турция – Иран – Южный Кавказ – Черное море. С. 171.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. С. 179.
13. Там же. С. 176.
14. Там же. С. 177.